

Булат Окуджава вспоминал, что когда-то в молодости заблудился в незнакомой Москве: сел на Арбате в трамвай, который увез его на Плющиху. Вышел в незнакомом месте и испугался, потому что не знал, как попасть обратно. Но потом понял, что трамваи имеют обыкновение ездить в оба конца, и приехал опять к своему дому... Прошло время, и Окуджаве снова было суждено проехать из здешних мест на Арбат - конечно, не самому поэту, а памятнику, который создал 57-летний московский скульптор Георгий ФРАНГУЛЯН. Снова вернулась в родные места знакомая сутуловатая фигура, осталась между арками безмолвно взирать на дорогу его сердцу арбатскую суету.

За железной калиткой мастерской скульптора жизнь внешне совсем не московская - не суетная, а размеренная и почти загородная. Под ласковым весенним солнышком шелестят новенькими листочками деревья, таращится на гостя здоровенный пес. Под навесом - белый стол со стульями. Сказка, а не жизнь: отдыхай - не хочешь! Но Георгий Вартанович, представьте себе, не хочет. Первое, что я увидел во дворе, это - фигуру в перепачканном известкой фартуке. Человек что-то вытачивал на станке, и во все стороны летели искры. Разожжет ли из них художник пламя высокого замысла? Или веселые точки растворятся, и скульптор мучительно станет искать другое решение?

Георгий Вартанович искренне удивляется моему вопросу. Все разговоры и мысли о вдохновении остаются у порога его мастерской. Пришел сюда - надо работать. Нет настроения ваять, можно заняться чем-нибудь другим: как в любом доме всегда найдется дело для умелых рук. А дело у скульптора, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, идет - уже два своих памятника он поставил в Европе. Один - Пушкину в Брюсселе, другой - Петру I в Антверпене. Впрочем, о ваятеле уже давно прослышали в Европе - он призер международных конкурсов скульптуры в Венгрии, Польше, Италии. Его «Распятие», освещенное Ватиканом, установлено в соборе Святого Франсиска в Равенне. Памятники и декоративные композиции Франгуляна находятся в Новосибирске, Красноярске, Фергане, Новокузнецке. Теперь его памятник есть и в Москве.

Два с лишним года минуло со времен шумного конкурса на лучший проект памятника Окуджаве: тогда в финал вышли три работы, среди которых наибольшее количество баллов набрала команда Франгуляна - вместе с ним трудились архитекторы Игорь Попов и Виктор Прошляков. Но окончательное решение вопроса было надолго отложено. Лишь мартовский приказ министра культуры в 2000

ВСТРЕТИМСЯ У ОКУДЖАВЫ

году рассеял туман над будущей площадью Окуджавы - именно этим господам поручалось сотворить памятник знаменитому арбату. Почти месяц об этом ходили слухи, но скульптора никто официально не оповещал. Наконец Франгулян после долгих бессонных ночей решил убедиться в этом сам и набрал номер министерства. «Да, это так», - ответил ему незнакомый голос. «А приехать и увидеть приказ можно?»

- «Можно», - еще раз обрадовал его голос...

Между прочим, на том конкурсе Франгулян победил самого Зураба Церетели, который представил целых два проекта...

Памятник установили близ дома 45 по Старому Арбату. Я видел его на макете: на широком пространстве - идущая фигура поэта и две арки. Между ними - живое дерево и бронзовый стол с двумя большими скамьями. И еще - строки Окуджавы...

Франгулян просмотрел множество видеоматериалов, фотографий, слушал рассказы тех, кто знал Окуджаву. Несколько раз сам видел поэта, но очень давно - тот когда-то выступал в школе, где учился будущий скульптор. Кое-что запечатлелось в памяти. И еще не раз мог его встретить, когда бывал у родственников, живших возле Театра Вахтангова.

Георгий Вартанович верит, что памятник станет данью памяти большому поэту. Правда, нынешний бутафорский Арбат Булат Шалвович отвергал. Говоря о нем, хмурился. Зато оживал, вспоми-

ная улицу своего детства...

Я беседовал с поэтом в апреле 1997 года - он принимал меня в своей квартире рядом с проспектом Мира. Помните: «Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант. В Безбожном переулке хиреет мой талант...» Ваш корреспондент брал интервью за два месяца до его внезапной смерти.

- Если выразаться предельно лаконично, что для вас значит Арбат? «Живописцы, окуните ваши кисти в суету дворов арбатских и зарю...»

- Для меня это - та самая родина, о которой говорят. Место, где я рос, воспитывался. Где было много друзей, знакомых, родственников. Я никогда не утверждал: «Арбат - самое лучшее место на земле, но для меня оно прекрасно...»

Я жил в доме 43, где были шашлычная «Риони» и магазин «Электросбыт». Серый такой дом...

- Вспомните о радостях: «На арбатском дворе и веселье, и смех...»

- Влюбился в девочку, вот вам радость. Украли как-то с приятелем из ресторана со стороны кухни жареного гуся, на чердаке пировали... Понимаете, я очень рано остался без родителей, на попечении бабушки, и «меня воспитывал арбатский двор». Выпивали, в двенадцать лет я начал курить. Какие у меня были мечты? Должен вас разочаровать - отнюдь не возвышенные, поэтические, а наоборот, очень приземленные... Мечтал стать таким, как Костя Ежик - уже взрослый парень, вор. Он ходил в

тельняшке, сапоги в гармошку, этаким лихой чубчик. Вот идеал детства.

- Вы часто бываете на современном Арбате?

- Нет. У меня есть строки: «Арбата больше нет, растаял, словно свеченька, весь вытек, словно реченька. Осталась только Сретенка, Сретенка, ты хоть не спеши, надо, чтобы что-нибудь осталось для души». Ушел колорит, неповторимый дух. Эта улица и теперь, наверное, по-своему хороша, но в ней нет ничего общего с тем Арбатом. Есть у меня и другие строки: «Во двореке этом мне тесно. И я из него уйду».

Сегодня поэт возвратился. Может быть, с ним на Арбате станет светлее нашим душам? Кому-то будет еще приятнее встречаться прямо под боком у Окуджавы. Но постыдятся ли другие расшвыривать мусор на глазах бронзового поэта? Исчезнет ли привычка там же звенеть бутылками и отвратительно сквернословить? Не уверен...

Его чистые строки написаны совсем для других людей. Робко надеюсь, что все-таки больше: «Совесть, благородство и достоинство - вот оно, святое наше воинство. Протяни ему свою ладонь, за него не страшно и в огонь. Лик его высок и удивителен. Посвяти ему свой краткий век. Может, и не станешь победителем, но зато умрешь как человек».

Скульптор Франгулян провожает меня за ворота. Сказка кончилась - вдали клубится Садовое кольцо, в нескольких остановках отсюда, от переулочка со странным названием Земледельческий, говорливый Арбат, куда все чаще летят мысли ваятеля. Франгулян оглядывается вокруг, словно попал в эти края впервые: «Атмосфера подходящая. Рядом - дом Репина, где Илья Ефимович писал своих «Запорожцев». Вон там - здание, где театр Айседоры Дункан был. Подальше композитор Скрябин жил». И победно улыбается: «Компания, видите, неплохая. Рад, что и у меня что-то получилось».

Есть у Окуджавы такие строки: «Куда-то все спешит надменная столица, с которой мы давно перешли на «вы»... Все меньше мест в Москве, где помнят наши лица, все больше мест в Москве, где и без нас правы...»

Простите, уважаемый Булат Шалвович, но, к счастью, вы ошибались.

Валерий БУРТ
Фото Василия ГРАЧЕВА

Плещиха, 13. 2002. - 21 мая - с. 8

Окуджава Булат

21.5.02